

С.В. ЗЕЛЕНКО
(Минск)

ЭКСТРА- И ИНТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТЕОРИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ И ФОРМИРОВАНИЕ ЕЕ КАТЕГОРИАЛЬНОГО АППАРАТА

Рассматривается проблемное поле генезиса теории интертекстуальности, анализируются экстра- и интралингвистические предпосылки ее возникновения и развития, проводится классификация категориально-теоретического аппарата теории интертекстуальности.

Ключевые слова: интертекст, текст в тексте, теория интертекстуальности, дискурс, чужое слово, чужой текст

К началу – середине XX в. человечество накопило достаточно большой объем эмпирической информации о событиях и происшествиях в мировой истории: войны и революции, географические открытия, технические изобретения, инновационные научные и социальные теории, глобализационные, политические и общественные миграционные / эмиграционные процессы, развитие международных связей, актуализация экологических проблем и др. Отображение предыдущего опыта происходило в текстах культуры, в которых Ю. Кристева видела площадку, где разыгрываются эпистемиологические, социальные и политические изменения [10, с. 38]. Вербализация эмпирической информации стала объективной причиной (экстралингвистической предпосылкой) появления инновационной концепции постижения, понимания, интерпретации и принятия / непринятия реалий мира (при их текстовом воплощении) – теории интертекстуальности.

При разработке теории интертекстуальности впервые в лингвистической науке была предпринята попытка обосновать объективную обусловленность существования двусторонних (диалогических), а постепенно и многосторонних (полилогических) отношений между социально-экономическим, политическим, духовным, культурным, научным и другими дискурсами глобального мирового пастиш-пространства независимо от сознания индивида, явлений внешнего мира и материальной действительности. Итальянский исследователь А. Понцо по этому поводу высказывает следующую мысль: «Каждый дискурс, осознанно или неосознанно, находится в диалогических отношениях с другими дискурсами». При этом, как подчеркивает Т. Старостенко, «все тексты, по сути, находятся в диалогических отношениях между собой, а интертекстуальность – наличие в текстах элементов других текстов – свойственно любому тексту» [16, с. 21]. Это обозначает, что каждый текст (дискурс), в самой широкой интерпретации понятия (как сложная семиотической система), подлежит перманентному, всеобщему влиянию и со стороны внешних, внеязыковых (экстралингвистических) факторов, и со стороны факторов внутриязыковых (интралингвистических), которые в своем совокупном двуединстве (знаковой дихотомии) образуют проблемное поле исследований теории интертекстуальности. Именно на этом заострял внимание М. Бахтин, когда подчеркивал, что «гуманитарная мысль рождается как мысль о чужих мыслях, волеизъявлениях, манифестациях, выражениях, знаках, за которыми стоят проявляющие себя боги (откровение) или люди (законы властителей, заповеди предков, безыменные изречения и загадки и т.п.)» [2, с. 299–300].

Основные положения теории интертекстуальности были сформулированы французским критиком болгарского происхождения, исследовательницей в области структурного анализа текста Ю. Кристевой. На национальную принадлежность ученого и ее гражданство внимание обращается намеренно, потому что этот факт подтверждает гипотезу о существовании экстралингвистических предпосылок возникновения теории интертекстуальности – результат социальных миграционных / эмиграционных процессов.

Впервые в статье Ю. Кристевой «Бахтин, слово, диалог и роман» появляется термин «интертекстуальность», который исследовательница объясняет следующим образом: «Любой текст строится как мозаика цитации, любой текст есть продукт ВПИТЫВАНИЯ и трансформации какого-либо другого

текста <...>. Всякое слово (текст) есть такое пересечение других слов (текстов), где можно, по меньшей мере, прочесть еще одно слово (текст)» [9, с. 6]. Ю. Лотман, развивая выводы Ю. Кристевой, резонно констатирует: «Проблема разнообразных соположений разнородных текстов, столь остро поставленная в искусстве и культуре XX в., по сути принадлежит к весьма древним. Именно она лежит в основе круга вопросов, связанных с темой «текст в тексте» <...>. Культура – не беспорядочное накопление текстов, а сложная, иерархически организованная, работающая система. Однако сложность ее относительно оси «однородность / неоднородность» такова, что всякий текст неизбежно предстает минимум в двух перспективах, как включенный в два типа контекстов. С одной точки зрения, он выступает как однородный с другими текстами, с другой, – как выпадающий из ряда, «странный» и «непонятный» [11, с. 12–13]. Профессор В. Ивченков утверждает: «В любом тексте актуализируются «эндоксальные знания» (исторические, философские, психологические, литературные), из которых вырастает произведение и состоящие из многочисленных стереотипов, усвоенных бытовым сознанием» [5, с. 15].

Ю. Кристева подчеркивала: «Любая книга отсылает к другим книгам и благодаря различным способам суммирования (аппликации, говоря языком математиков) наделяет эти книги новым способом бытия, создавая тем самым собственное значение» [10, с. 200]. Значит, творческая деятельность автора в эпоху постмодерна заключается не в написании (создании) нового текста, а только в осмыслении, интерпретации, переработке, трансформации, заимствования более раннего или современного ему корпуса текстов, предыдущих источников информации с последующим созданием коллажных по своей структуре произведений.

В исследованиях по теории интертекстуальности Ю. Кристева опиралась на теорию «диалогического (чужого) слово (голоса)», которая была сформулирована М. Бахтиным: «Бахтин хочет сказать, что всякое письмо есть способ чтения совокупности предшествующих литературных текстов, что всякий текст вбирает в себя другой текст и является репликой в его сторону» [9, с. 8].

М. Бахтин еще в начале XX в. отмечал, что автор литературного произведения создает его из разнородных «чужих» высказываний. При этом ученый обращал внимание как на внутриязыковые, так и на внеязыковые предпосылки текстообразования: «Высказывание в его целом оформлено как таковое внелингвистическими моментами (диалогическими), оно связано и с другими высказываниями. Эти внелингвистические (диалогические) моменты пронизывают высказывание и изнутри» [2, с. 306]. Таким образом, научные исследования М. Бахтина по литературе, философии, лингвистике стали одной из первых интралингвистических предпосылок появления теории интертекстуальности, в то время как их интерпретацию можно считать экстралингвистической предпосылкой.

Нужно отметить, что в качестве объекта изучения теории интертекстуальности сегодня рассматриваются не только произведения литературы, но и другие риторическо-знаковые системы – различные виды искусства: «Культура в целом может рассматриваться как ТЕКСТ. Однако исключительно важно подчеркнуть, что это сложно устроенный ТЕКСТ, распадающийся на иерархию «ТЕКСТОВ в ТЕКСТАХ» и образующий сложные переплетения ТЕКСТОВ. Поскольку само слово «ТЕКСТ» включает в себя этимологию переплетения, мы можем сказать, что таким толкованием мы возвращаем понятию «ТЕКСТ» его исходное значение» [12, с. 18]. Основываясь на таком понимании термина «текст», ученые в последнее время обратили внимание на исследование явления интертекстуальности в научном дискурсе, произведениях архитектуры, киноискусства, изобразительного искусства, музыки, интернет-коммуникации, средств массовой информации и т.д.

Определяя природу функционирования интертекстов в произведениях культуры, исследователи обратились к решению следующих проблем: изучение функций, которые выполняет интертекст в авторском тексте [1; 20]; разграничение явления интертекстуальности на читательскую (исследовательскую) и авторскую, внешнюю и внутреннюю [18] и кодовую, текстовую, вербальную и невербальную [1]; классификация типов интертекстуальности [6]; определение видов интертекстуальных единиц [4; 8; 14; 15; 17], анализ и характеристика ролей, которые выполняют автор (создатель сообщения) и читатель (интерпретатор текстового кода) при создании, трансляции и рецепции произведения [2; 8; 13] и др.

Развитие теории интертекстуальности в свою очередь породило значительный рост ее терминологического аппарата, который сегодня включает в себя несколько сотен определений, появившихся непосредственно в пределах теории или занятых из других отраслей знаний.

Большой объем терминологического аппарата иногда приводит к контаминации понятий и определений, которыми оперируют исследователи. Можно отметить, что, например, прецедентные феномены (прецедентное имя и прецедентная ситуация) в научной интерпретации С. Сметаниной [15] имеют ту же смысловую природу, что и аллюзия у И. Арнольд [1], таким же образом соотносятся прецедентный текст с реминисценцией, прецедентное высказывание с цитатой, прием интерстилевого тонирования с кодовой интертекстуальностью. Значит, одно и то же языковое явление исследователи номинируют по-разному. На эту проблему обращает внимание И. Арнольд, которая отмечает, что концепция интертекстуальности нашла широкое распространение в работах многих ученых, но конкретное ее наполнение получилось очень разнообразным, в зависимости от философско-методологических установок каждого из авторов, кто подхватил идею [Там же, с. 351]. Отсюда следует необходимость дефинирования понятий цитата, цитация, цитатное письмо; текст в тексте, интертекст, интекст, интертекстуальность, с последующей их кодификацией.

Таким образом, можно констатировать, что на сегодня в научной среде пока нет единой точки зрения на проблему формулирования теории интертекстуальности, ее терминологического аппарата. Исследователи также не выработали единой системы выделения видов, типов и форм интертекстуальности: «Литературоведение многое сделало для определения различных форм интертекстуальных связей, конкретных видов интекстов. Но и это направление исследования, безусловно, могло бы быть продолжено» [3, с. 36].

Полагаем, что исследование функционирования «текстов в текстах» остается актуальным для современной науки, не только лингвистики, но и журналистики, культурологии, философии и социологии. Продолжение изучения явления интертекстуальности, в частности в отношении публицистических текстов, поспособствует завершению становления теории интертекстуальности, чему, на наш взгляд, в значительной степени должно поспособствовать упорядочение ее категориального аппарата.

Интралингвистические предпосылки возникновения теории интертекстуальности наиболее ярко проявились в произведениях художественной литературы, когда под влиянием поэтики эпохи постмодерна (экстралингвистические предпосылки) авторы обратились к новой, до сих пор не использованной, компоновке и структурированию цитат, аллюзий и реминисценций, ссылок на литературные, исторические, культурные дискурсы. Профессор В. Ивченков подчеркивает: «Сегодня можно констатировать, что желание расширить сферу интертекста в словесном искусстве стало почти обязательной чертой, в частности, публицистического текста. Различные подходы к изучению этого явления оттеняют его многоаспектность и разнообразие применения...» [5, с. 114].

Поэтому именно публицистический текст в последнее время оказался в центре внимания ученых в качестве объекта исследования. Профессор М. Тикоцкий, очерчивая стилистическую парадигму современного публицистического текста, актуальным составляющей ее считать интертекстуальность: «Важную стилистическую роль в создании художественных и публицистических текстов выполняют так называемые интертекстуальные единицы речи <...>. Особый характер приобретает использование интертекстуальных приемов в публицистике, в современных газетных текстах» [19, с. 266]. В русле сказанного отметим, что, в отличие от текстов художественной литературы, в публицистике как наивысшем виде общественно-политической литературы, основная функция которой заключается в формировании и отражении общественного мнения, проявились в большей степени экстралингвистические факторы возникновения теории интертекстуальности.

Литература

1. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.: СПбГУ, 1999.
2. Бахтин М.М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000.

3. Володина Н.В. Явление интертекстуальности в аспекте типологии // Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе. Проблемы теоретической и исторической поэтики: материалы Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч. 1. / Гродн. гос. ун-т.; под ред. Т.Е. Автухович. Гродно, 2001.
4. Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: МГУ, 1999.
5. Іўчанкаў В.І. Дыскусія беларускіх СМІ. Арганізацыя публіцыстычнага тэксту. Мінск: БДУ, 2003.
6. Женетт Ж. Введение в архитекст // Фигуры: в 2-х т. Т. 2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: URSS: ЛКИ, 2007.
8. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.
9. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 4.
10. Кристева Ю. Избранные труды: разрушение поэтики. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004.
11. Лотман Ю.М. «Чужое слово» в поэтическом тексте // Анализ поэтического текста. Л.: Просвещение, 1972.
12. Лотман Ю.М. Текст в тексте // Труды по знаковым системам / Тарту. гос. ун-т. Тарту, 1981. Т. 14: Текст в тексте. Сер. 95. Вып. 567.
13. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М.: ЛКИ, 2008. Понцо А. Другость у Бахтина, Бланшо и Левинаса // Бахтинология: исследования, переводы, публикации. К столетию рождения Михаила Михайловича Бахтина (1895–1995). СПб.: Алетейя, 1995.
14. Селезнев А.В. К вопросу определения критерия межтекстовых взаимодействий // Вести МГЛУ. Сер. 1, Филология. 2003. № 12.
15. Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002.
16. Старасценка Т.Я. Стылістыка тэксту. Мінск: БДПУ, 2007.
17. Тороп П. Тотальный перевод. Тарту: Тартуск. ун-т, 1995.
18. Фатеева Н.А. Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1997. Т. 56. № 5.
19. Цікоцкі М.Я. Інтэртэкстуальныя адзінкі маўлення і іх стылістычнае выкарыстанне ў мастацкіх і публіцыстычных тэкстах // Журналістыка-2002: матэрыялы 4-й Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 5-6 снеж. 2002 г. / Бел. дзярж. ун-т; рэдкал.: В.П. Вараб'ёў [і інш.]. Мінск, 2002.
20. Якобсон Р.О. Тексты, документы, исследования. М.: РГГУ, 1999.

Extra- and intralinguistic prerequisites of the origins of the intertextuality theory and the development of its categories

There is considered the problematic field of the genesis of the intertextuality theory, analyzed extra- and intralinguistic prerequisites of its origins and development, given the classification of the categories and terminology of the intertextuality theory.

Key words: *intertext, a text inside the text, intertextuality theory, other's word, other's text.*